

Мартынов Владимир

21.01.02.

Владимир МАРТЫНОВ:

Многие думают, что еще не кончилось средневековье

Известия. — 2002. — 21 янв. — с. 7

— Как вы миритесь с собственной уверенностью в том, что человеческая культура подошла к своему концу?

— В любом конце есть что-то радостное. Он ведь наступает потому, что многое из того, чем сейчас люди занимаются, уже не имеет смысла.

— Как же надо в такой ситуации себя вести?

— Самое главное — точно знать то место, где ты находишься. На это настоящие люди всю жизнь кладут. Это трудно. Очень много люди делают по инерции. Многие, например, думают, что они живут в XIX веке, и могут свободно творить, писать симфонии, оперы. Многие считают, что живут в средневековье.

— А про себя вы что скажете?

— У Мишеля Фуко в 1966 году вышла книга «Слова и вещи». Она кончается таким пассажем: «Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке». Так вот, это событие — исчезновение человека — оно совершилось. Где-то в 80–90-

годы. И мы свидетели. Задача моего поколения: об этом свидетельствовать. Мое призвание: констатировать смерть. Я думаю, к 20–30-м годам это должно стать ясно всем, и тогда может появиться что-то следующее. Но оно не появится, если мы не будем этот конец осознавать.

— Вы все время говорите о конце искусства, при этом вы — известный композитор, у вас целый фестиваль.

— Эти результаты, которых я достиг, и дают мне право все это говорить. Если бы о смерти композитора говорил, скажем, Игорь Крутой — это была бы какая-то ерунда.

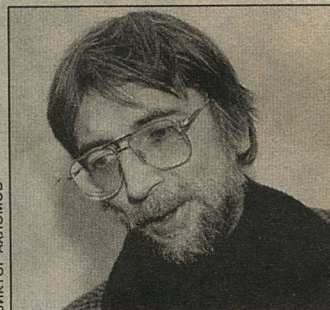
— Расскажите про выставку, которая будет во время вашего фестиваля.

— Она называется «В сторону Людвиг». Там задействованы три проекции. На одной — закольцованный отрывок из «Смерти в Венеции» Висконти, сцена смерти, под роскошного Малера. Другая — тоже из Висконти, из «Людвиг», когда его, утопшего, вы-

нимают под музыку Вагнера. На мониторе — фрагмент из «Триумфа воли», тоже под Вагнера. И я использую еще фотографии Марии Капилиной — очень красивые морские пейзажи — и от себя добавляю к ним разные тексты, знаки, рисунки. Смысл такой, если грубо говорить: мы видим смерть великого искусства (Вагнер, Малер — последние великие художники) и то, что наступает после смерти — пустынные пейзажи и то, что сквозь них пробивается. Это могут быть знаки новой жизни, а может, гальванизация трупов, проявление тления.

— Как вы пришли к минимализму?

— Минимализм — исконная природа музыки. Архаический фольклор, камлание шамана, григорианика VI–VIII веков, знаменный распев — это все минимализм. Неминималистическая музыка — очень небольшой островок западноевропейской музыки. Когда я впервые в 1970 году услышал «In C» Терри Райли, я расстроился: почему пер-

ВИКТОР АХЛОНОВ

вым это сделал американец? Я же ездил в фольклорные экспедиции, я всегда знал, что так и надо, но мои культурные комплексы не позволяли мне сделать то, что позволялось американцам. Минимализм возвращает музыку к ее природе. Произведение не может кончиться. Заключительная каденция — это страшная фальшь. В идеале я рассчитываю на то, что любая моя вещь — это лишь приступка, разгонка. А самое важное должно происходить после.

Екатерина БИРЮКОВА